

О том, как попасть в «Новый мир» Твардовского

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1874>

3 марта 2015

Собеседник

Виноградов Игорь Иванович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

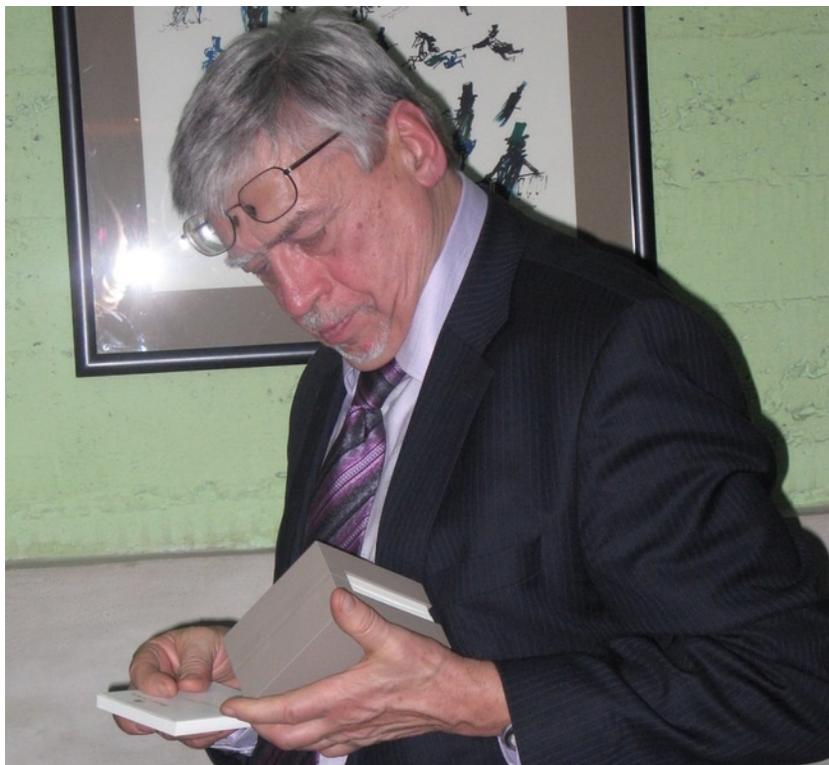
Дата записи

Беседа записана 3 марта 2015 и опубликована 19 сентября 2016.

Введение

В третьей беседе Игорь Иванович Виноградов вновь обращается к теме защиты кандидатской диссертации, которую после разгромной статьи в университетской газете ему пришлось перезащищать перед Ученым советом. Критик вспоминает о том, как появление «Теркина на том свете» не понравилось Хрущеву. Редактор рассказывает про живые обсуждения рукописей в «Новом мире», о популярности Евтушенко, атмосфере «шестидесятников» и социализме с человеческим лицом.

Игорь Иванович Виноградов: Я в прошлый раз рассказал маленькую эпопею своей защиты диссертации и сложности, которые возникли. Но на этом, на второй защите, которая была на Большом ученом совете, еще не кончились мои приключения. Когда диссертация была защищена, в газете МГУ, как она называлась, я не помню, в университетской газете появилась большая статья научного сотрудника факультета Астахова, который был недавно назначен на очень странную должность: он не преподавал, но, видимо, своей задачей считал всяческую бдительность. И моя диссертация, и книжка, которая была выпущена по диссертации «Проблемы содержания и формы...», привлекла его внимание. Я сейчас не помню, как все было. В общем, это был разгром книги как идеологически вредной с какими-то ошибками и так далее. Но надо сказать, что факультет, как и раньше, когда я защищал диссертацию, вел себя очень благородно. И декан факультета, Роман Михайлович Самарин, сделал все возможное, чтобы погасить это. Факультету тоже не нужно было клеймо на преподавателе. В общем, отбились от Астахова. Было специальное заседание Ученого совета, куда меня пригласили и где я выступал. И даже что-то я признал, как мне посоветовали мои старшие друзья: «Да хоть что-нибудь признайте!» Я что-то там признал, я не помню. Я помню, как Самарин удивленно сказал: «Я первый раз слышу, что Игорь Иванович что-нибудь признал из своих ошибок!» Но так или иначе, с этой историей было покончено.

Работа в Секретариате Союза писателей

Я в это время уже работал. В 1956 году, после окончания аспирантуры меня пригласили в Секретариат Союза писателей на Большой Никитской или на Воровского, консультантом Секретариата. Это была очень приличная должность в смысле хорошей оплаты. Как меня туда, молодого щенка, который только-только аспирантуру кончил, позвали, я уже сейчас точно не помню, но у меня уже были в это время какие-то связи, знакомства, меня немножко представляли... В общем, я стал консультантом вместе с Володией Аникиным, нашим фольклористом с факультета. Работа была «не бей лежащего». На самом деле мы нужны были только для каких-то справок, которые вдруг какому-нибудь из секретарей понадобились. Начальником или руководителем этой группы консультантов был довольно приличный человек Виктор Петрович Дорофеев. Он как-то ко мне расположился и поставил своей задачей, чтобы я как-то себя объявил и в печати. И вот, с его помощью, мне заказали статью в журнале «Звезда» о Николае Вирте. Я написал статью, она была опубликована и даже пользовалась известностью, потому что была довольно резкая статья против соцреалистической фальши. А Вирта был одним из ярких представителей «секретарской» литературы. Вот чем мне запомнилось пребывание там — этой историей с Виртой. И потом в это время проходил как раз фестиваль молодежи, и я от Союза писателей был назначен в совместную группу, куда входил еще кто-то из других организаций. И руководила всем этим секретарь ЦК комсомола... не помню её фамилии, по-моему, какая-то Зоя. Они там все Зои были. Первое совещание я помню в кабинете, по-моему, первого секретаря Союза писателей или где-то рядом, во всяком случае, в «доме Ростовых». Что-то такое мы обсуждали, и я вальяжно, как молодой нахал вел себя, в пререкания вступил с этой секретаршей. И вдруг в какой-то момент она крикнула: «Встать!» Я растерялся от неожиданности, встал. Это момент унижения, который я помню всю жизнь. Это была такая техника уже наработанная, она прекрасно знала, как надо действовать, когда ты хочешь кого-то «построить», как у нас говорят сейчас. И я очень долго это переживал: как же так, я не ответил ей как полагается! И потом искал случая сделать, но так и не прошел, но это воспоминание осталось одним из самых унижительных для меня, что я оплошал. Могу себе в оправдание только сказать, что это была чистая неожиданность, а не то, что я струсил. Я таких вещей не очень боялся, но тем не менее так произошло. Это 1956 год, то есть, следовательно, XX съезд партии. Я очень хорошо помню, было 23 февраля, день рождения моей первой

жены, когда собиралась вся наша компания на улице Правды, где мы жили. И во время празднования дня рождения вдруг явился запоздавший на празднество мой друг Алеша Мосягин, который был секретарем факультета журналистики. Потом он женился на моей сестре, так что мы были родственники даже, он недавно умер. Он явился озаренный, с распахнутыми глазами, и говорит: «Ребята! Мы сейчас читали документы...» А он работал в «Партийной жизни». Журнал «Партийная жизнь», они пользовались привилегией самых первых «поглотителей» новой информации. И он рассказал нам об этом XX съезде, о докладе Хрущева против культа личности и так далее. И я отчетливо помню свое ощущение...

Тогда же заговорили, что верить этому особенно нельзя, что это политическая игра, на которую решил пойти Хрущев, и что по-настоящему никакого обновления политики не будет.

Но что настанут какие-то времена некоторого облегчения в смысле цензуры, в смысле гласности, которыми надо воспользоваться. Надо воспользоваться и постараться сделать всё, что возможно, чтобы донести то, что мы считали правдой, — а к этому времени у меня уже произошел серьезный мировоззренческий перелом, я об этом говорил прошлый раз. Донести как можно больше правды через печатное и какое угодно слово.

Начало сотрудничества с «Новым миром»

Вот с этого момента, с 1956 года, со съезда, с его решений, у меня появилось чувство ожидания момента, когда можно будет включиться вот в эту жизнь. И я жил этим. Я жил тем, что — это уже 1956-й, 1957-й, 1958 год, — и я жил тем, что я начал печататься в «Новом мире». Это был второй заход Твардовского, 1958-й или 1959 год. В первый раз в 1954-м году был, потом его сняли из-за статьи Померанцева об искренности в литературе, статей Марка Щеглова о «Русском лесе» и Федора Абрамова о деревенской прозе. Но на самом деле — не помню, говорил я это в прошлый раз или нет — на самом деле причина этого первого снятия была уже начатая и читавшаяся среди верхов поэма Твардовского «Теркин на том свете».

Е.Г.: Нет, не говорили.

И.В.: Не говорил? Там есть, вернее, в первоначальном варианте, который кто-то из секретарей, из помощников Хрущева читал ему

Есть такой эпизод: когда Теркин является на тот свет, он встречает генерала-покойника, они знакомы, и тот ему жалуется, как здесь плохо. И вот есть какие-то такие слова, что, мне бы батальон или роту живых, я бы тут навел порядок. Хрущев это, видимо, воспринял, как стало потом ясно, как намек на возможность вооруженного переворота. И Твардовский был снят.

И только позднее, после XXII съезда партии, когда было решено вынести Сталина из Мавзолея... Лебедев, помощник Хрущева, снова, видимо, читал ему «Теркина на том свете» и убедил его, что ничего там страшного нет. Кроме всего прочего, он читал ему «Один день Ивана Денисовича», который еще до печати в «Новом мире» был передан Твардовским Лебедеву, чтобы тот прочитал это Хрущеву, потому что было понятно, что публиковать такую вещь без решения самого верха невозможно. Хрущев прочитал, очень растрогался, заставил читать всё Политбюро и настоял на том, что эту вещь надо опубликовать. Так в 1962 году она появилась. Все это время я печатался в «Новом мире» постоянно, был «своим» человеком, но к этому я вернусь немножко позднее, потому что до того, как случилось мое вхождение в «Новый мир», в судьбе моей еще одна любопытная интрига или событие произошло.

Работа в журнале «Молодая гвардия»

Когда я уже преподавал в университете и даже в первый год своего преподавания, будучи молодым преподавателем, осенью этого года съездил на целину во главе отряда филологического факультета — насчитывалось что-то около трехсот человек.

Е.Г.: Много!

И.В.: Да. Мы были в Казахстане, в каком-то совхозе, где прожили там два или три месяца на уборке. Потом вернулись сюда...

Е.Г.: А вы что преподавали, Игорь Иванович?

И.В.: Я преподавал...

Е.Г.: Какой у вас был курс?

И.В.: Я читал курс «Введение в литературоведение» на первом курсе, по кафедре теории литературы, и вел семинары какие-то — сейчас не помню уже. И на вечернем отделении я читал курс «Теория литературы». Целина была хорошим опытом жизни... Она была хорошим опытом неуниверситетской жизни. И я помню, что каждое утро начинал с того... то есть не я начинал, а «меня начинали», потому что я должен был появиться у заместителя директора совхоза, который курировал нашу всю компанию, направлял на работу и так далее. А тот не начинал дня без стакана водки. (*Смеется.*) И вот я тоже приучился начинать с этого. И знаете, ничего страшного не было, очевидно, воздух свежий, постоянно в работе, физическая нагрузка — ничего не было. Тем не менее, эта привычка мне не нравилась. Когда я вернулся в Москву, я постарался от нее избавиться. Слава богу, алкоголиком я не стал. И вот как раз примерно в 1958 году... Я был знаком уже с Андреем Турковым —

это известный новомирский критик, замечательный человек. И он сделал мне такое предложение: его жена Нина Сергеевна Филиппова работала заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия», и она собиралась оттуда уходить.

” И она предложила такой план, такую «диверсию»: меня и моего друга Сашу Лебедева, о котором я рассказывал, она берется зачислить членами редколлегии «Молодой гвардии», меня — заведующим отделом прозы, Сашу — заведующим отделом критики, чтобы мы попытались, на волне «оттепели», которая начиналась с 1956 года, сделать второй «Новый мир» из этой «Молодой гвардии».

До этого она была махровым национал-патриотическим изданием, во главе которого стоял некий Котенко, «дядя Илья Котенко» мы его звали. Заместителем у него был такой тоже сильно национал-патриотический поэт Василий Федоров. И вот мы ринулись туда с Сашей Лебедевым. Я дал согласие, хотя меня очень уговаривали на факультете остаться, говорили, что я с ума сошел, что журнал — это одно, а тут меня ждет карьера профессорская, преподавательская научная карьера. Мне преподавание всегда очень нравилось, я любил, но меня тянуло в живую драку. И мы дали с Сашей согласие. И в один прекрасный момент получили назначение. Филиппова благополучно ушла оттуда, а мы остались там среди «волков», вдвоем. Явился Котенко из отпуска, раскрыл глаза, что такое происходит, и началось постепенное подсиживание. Мы недолго там пробыли, всего, по-моему, немножко больше, чем полгода. (*Смеется.*) Но я за это время успел напечатать там роман Тендрякова, по-моему, «За бегущим днем» назывался, не помню сейчас точно. Но это была интересная вещь. Тендряков был тогда очень модный писатель. И на этом попытался сыграть Котенко, говоря, что, вот, Виноградов, понятно, принес всё-таки такую вещь, а что Лебедев сделал, какие статьи, нужные нам, напечатал? В общем, предложил ему уходить. И вот тут я вспомнил свое аспирантское знакомство с Толей Лукьяновым, будущим великим государственным деятелем, предателем Горбачева. Позвонил ему — он работал в то время в Верховном Суде. Он вышел из Верховного Суда, и мы прогулялись по Воровского. Полчасика примерно мы разговаривали. Мне было интересно, поскольку он лучше знал, чем я, что собой представляет Карпинский, который в это время стал уже секретарем ЦК комсомола. Вторым, кажется, или третьим — в общем, секретарем по идеологии. После окончания университета, окончания аспирантуры он уехал, по-моему, в Куйбышев и там стал секретарем горкома комсомола. И оттуда уже его взяли в ЦК комсомола, он стал совсем большой комсомольской шишкой. Значит, он был наш непосредственный начальник, потому что «Молодая гвардия» был орган ЦК комсомола. И я надумал, что надо идти к нему и попробовать его убедить. Тем более что, если он придерживается прежних наших либеральных, демократических взглядов, что было тогда, когда мы учились в аспирантуре, абсолютной несомненностью, сомневаться не приходилось. Все-таки я сомневался, что за это время произошло на этих верхах власти комсомольской. Но Лукьянов сказал мне, что он не очень себе хорошо представляет, но что попытка не пытка. Мы позвонили в ЦК комсомола Карпинскому, я сказал, что мы хотим с ним встретиться, просил назначить день приема. Он назначил день приема, мы пришли. И тут он сказал, глядя на меня: «Ты посиди здесь. Это же дело касается Лебедева Александра Александровича, а не тебя в первую очередь, посиди». Я удивился, но сел, стал ждать. Они с Лебедевым беседовали довольно долго, около часа. Ну и когда Саша вышел, мы с ним пошли, он рассказал об очень неутешительном разговоре, когда Карпинский говорил: «А что вы, собственно говоря, там, пытаетесь воевать... Против чего, против Кочетова? Я с ним разговаривал, он очень хороший, партийный настоящий человек». В общем, он заявил свою поддержку тому национал-патриотическому лагерю, одним из ярких представителей которого был как раз Кочетов, в рамках которого развивалась «Молодая гвардия». Так что стало совершенно все ясно. Мы вернулись и подали заявление об уходе.

Е.Г.: Вместе.

И.В.: Вместе. Вместе ушли, потому что понятно было, что одному там делать нечего... Это был, конечно, крах авантюры, ничего похожего на то, что мы задумали, сделать не удалось. И буквально действительно через полгода — с мая по февраль мы там были, с мая 1959-го по февраль 1960-го, немножко больше полгода — мы ушли оттуда. Но в университет я, естественно, уже не вернулся, потому что никто бы меня туда уже не взял после такого предательства. Хотя потом я долгое время преподавал всё-таки в университете на правах почасовика и на какие-то четверть ставки. Но меня и не особенно тянуло, хотя... все мои представления о том, что мне делать и как мне строить дальнейшую жизнь — они были связаны с «Новым миром». К этому времени, к 1959 году, я стал уже достаточно «своим» в «Новом мире». Пришел я туда первый раз, я рассказывал, по-моему, когда «Новый мир» располагался еще в старой редакции, в помещении «Известий». Тогда мой поход был неудачен, хотя Щеглов мне рекомендовал туда пойти. Щеглов учился вместе с нами, и он пользовался большим авторитетом у Твардовского.

Снова с «Новым миром»

В 1959 году я пришел в «Новый мир», где работал уже Володя Лакшин, потому что после смерти Щеглова Лакшин, который был близким очень другом Щеглова, вошел в ближайшее окружение Твардовского, потому что Твардовский очень много говорил о Щеглове и пытался продолжить печатание его. А с Володей мы дружили в университете. Я пришел, принес статью о повести Тендрякова «Чудотворная». «Чудотворная» — это повесть, где Тендряков довольно резко выступает против всяких религиозных обманов, попов, которые совращают молодых людей, молодых мальчиков. И я в это время, надо сказать, был примерно таких же представлений. И я написал статью, которая была совершенно в русле традиций революционно-демократической критики так называемой, то есть критики, которая использовала литературное произведение для того, чтобы разобраться и проанализировать и высказать свое суждение о той реальной жизни, которая отражена в этом тексте. С этой точки зрения, как реальный критик я разобрал это произведение, и это было начало моего сотрудничества в «Новом мире». Как мне потом рассказывал Володя, в это же время была принесена в редакцию еще одна статья о «Чудотворной», которая принадлежала довольно известной в то время критикессе и которая разобрала эту повесть прежде всего с эстетической точки зрения. И Твардовский, дав почитать редколлегии и редакции оба текста, сказал, что, на его взгляд, нам нужна такая критика, которую написал Виноградов, мы будем делать ставку на это. Так я первый раз напечатался и был

привечен, что называется, в «Новом мире», и стал печататься уже постоянно там. Я напечатал там несколько статей о «деревенском очерке», об очерках Овечкина. Причем это были довольно острые статьи, потому что Овечкин... Мы смеялись, что повторяется ситуация, которая была когда-то в «Современнике», когда Добролюбов написал статью «Когда же придет настоящий день?», и Тургенев так испугался, что просил Некрасова убрать эту статью и не печатать. Овечкин, то же самое, написал письмо Твардовскому, что ему будет стыдно, ему невозможно будет смотреть в глаза и так далее, если появится эта статья. Был какой-то испуг, видимо, хотя Овечкин, вообще говоря, человек храбрый... Там не было критики, обидной для него, но там было как бы обнажение его кардинального фундаментального противостояния всей нашей сельскохозяйственной политике. Очевидно, такая откровенность, такая прямолинейность ему показались опасными. Я писал довольно много, писал о «Живых и мертвых» Симонова. Я писал об одном из романов... была очень известная тогда, популярная писательница... Видите, старость не радость, уже забывается все...

Е.Г.: Не страшно.

И.В.: Не страшно, да. Статья называлась «Об одной из вечных тем». Тема любви, развода, расхождения, где я стоял на том, что было сформулировано когда-то Энгельсом — в то время я ещё очень активно работал с этим материалом, — где Энгельс писал, что заключаемый брак может быть нравственным только в том случае, если он совершается по любви, и остается он нравственным только до тех пор, пока в нем есть любовь. Этот тезис, так сказать, был положен в основу статьи, где я разбирал личную ситуацию частной жизни героев романа, где все нападали на героя за то, что он полюбил другую женщину и решается уйти из семьи. Клубок был завязан здесь всей этой проблематики. Я написал в «Новом мире» большую статью о деревенских очерках Ефима Дороша. Позднее, уже будучи в самом «Новом мире», большую статью о Некрасове Викторе, «В окопах Сталинграда». В общем, я был, повторяю, уже свой критик, один из постоянных ведущих критиков «Нового мира», настолько свой, что когда Солженицын принес в «Новый мир» «Ивана Денисовича» — «Щ-854», так тогда называлась эта повесть — мне позвонила Эльвира Озерова, старший редактор отдела критики, сказала: «Срочно приходите, Игорь». Я пришел, они меня заперли в соседнюю комнату и дали мне эту рукопись: «Читайте, вот вам на два часа». Я прочитал и был потрясен. Я помню очень хорошо свое недоумение: мне было не очень понятно, кто автор, что он из себя представляет. Фактура текста такая, как будто бы это великий писатель, настоящий большой писатель. Но, может быть, на самом деле бывают такие случаи, когда автор есть альтер-эго героя, и он пишет то, о чем знает, на большее он не способен, потому что вся первая часть, во всяком случае, «Ивана Денисовича», написана как бы через восприятие Ивана Денисовича. Но когда я дошел до тех страниц, где Цезарь спорит с кавторангом о «Броненосце „Потемкине“», я понял, что нет, это писатель, у которого есть большая дистанция, и все то, что сделано, сделано рукой мастера. Я как-то сразу поверил в Солженицына как в большого художника. С 1958-го по 1965-й — это семь лет моей непрерывной, постоянной работы в «Новом мире» в качестве автора «Нового мира».

Переход в штат редакции «Нового мира»

В 1965 году решил уйти из журнала заведующий отделом прозы член редколлегии Женя Герасимов, с которым мы были очень хорошо знакомы, я что-то даже писал о нем. А в период сразу после «Молодой гвардии» я какое-то время работал, забыл об этом сказать, в издательстве «Советский писатель», а потом в Институте философии, где мне присвоили звание старшего научного сотрудника в области философии и где, в частности, я познакомился с Михаилом Александровичем Лифшицем, одним из самых замечательных людей нашей культуры, с которым я был знаком. Он оказал на меня очень большое влияние. А сейчас я рассказываю о «Новом мире», поэтому пока оставляю это в стороне. У Герасимова были какие-то свои планы, не потому, что что-то ему не нравилось в «Новом мире». Он был типичный «новомировец», но он писал какую-то большую работу, и ему хотелось освободиться от членов редколлегии, и он предложил мне занять его место. Сказал, что он будет об этом просить... предложит это Твардовскому. Он предложил это Твардовскому, и Твардовский вызвал меня, поинтересовался мнением Володи Лакшина. Он сказал, что лучшей рекомендацией Виноградова является то, что он два раза защищал диссертацию — можете себе представить! И я пришел на прием к Твардовскому. Мы были знакомы, естественно. Как автора он меня раза два, по-моему, принимал. И он мне предложил войти в редколлегию журнала и заведовать отделом прозы. Я согласился. Был очень любопытный момент: когда мы говорили я соглашался, конечно. И когда всё

закончилось, Твардовский несколько смущенно говорит: «Но все-таки как вы относитесь к этому предложению?» (*Смеется.*) И я понял, что ему очень важно, чтобы я сказал, что я считаю это для себя большой честью. Я это сказал, мы пожали друг другу руки, и я вошел — с января 1966 года стал членом редколлегии, заведующим отделом прозы.

Е.Г.: Расскажите поподробнее, какая там была обстановка, жизнь в журнале в то время.

И.В.: А?

Е.Г.: Какая была жизнь, обстановка...

И.В.: Вот я и хочу рассказать.

Е.Г.: Извините.

И.В.: Во сколько мы начали, не помните?

Е.Г.: Сорок минут назад примерно.

И.В.: Понятно.

Е.Г.: Время есть, Игорь Иванович.

И.В.: Время есть, но у меня сегодня с горлом не очень хорошо... рот пересыхает все время, и поэтому дикция у меня, по-моему, другая... Голос посаженный какой-то.

Е.Г.: Все слышно, все понятно.

И.В.: Нет? Ничего?

Е.Г.: Ну, рассчитывайте ваши силы.

И.В.: Хорошо.

Е.Г.: О самом главном тогда сегодня рассказывайте.

О Твардовском

И.В.: Да-да. Сначала я хочу рассказать немножко о Твардовском.

Е.Г.: Да, интересно.

И.В.: Потому что это, конечно, очень яркая личность. Вот этот его вопрос мне «ну как вам?» — он очень характерен для него. Для него всё, что происходило в журнале, в редакции журнала, в редколлегии — это родные люди, это родная семья, в жизни которой он заинтересован предельно. В жизни журнала для него была его настоящая и главная, может быть, жизнь помимо собственно поэтического творчества. Он читал как редактор все материалы, которые шли через «Новый мир», но уже в стадии верстки. В этом смысле он полностью доверял отделам. Отделы формировали номер, а он уже знакомился, когда номер был сформирован и когда верстки всех статей, всех работ были представлены. Правда, что касается прозы и поэзии — это он брал всегда и смотрел раньше.

” Но обычно, что касается прозы, был такой порядок: принесенная автором вещь обязательно обсуждалась на редколлегии в присутствии автора, и это были очень интересные и очень увлекательные заседания, обсуждения, где Твардовский блистал. Он умел так войти в фактуру произведения, так подметить какие-то самые главные вещи и какие-то пробелы, что его выступление обычно всегда было самым ярким.

Но и другие члены редколлегии тоже выступали и тоже, естественно, говорили о своих впечатлениях. Это были очень откровенные, очень дружеские [обсуждения]... Это была школа редактуры. Я после «Нового мира» нигде не видел такой школы, нигде такой не существовало, по-моему. Это ушло, к сожалению. Надо сказать, что и отделы были очень сильные. В отделе прозы старшим редактором была замечательная редактор, талантливый, прекрасно чувствующий слово, умевшая очень хорошо работать с авторами. Так что здесь была полная поддержка редколлегии. Хотя, надо сказать, при всей отзывчивости Твардовского на всякое новое, свежее, интересное явление, которое возникало в «портфеле» «Нового мира», все-таки какое-то, я бы сказал, различие, какая-то ступенька между первым и вторым этажом была.

” Первый этаж — это отделы, где сидели сотрудники редакции. Второй этаж — это Твардовский, два заместителя, ответственный секретарь, то есть начальство. В Твардовском было парадоксальное сочетание: он был, конечно, вельможа. То есть в том смысле, что, боже мой, он был знаменитый поэт, награжденный орденом Ленина еще в студенческие годы, автор «Теркина», за которого он получил все мыслимые и немыслимые премии и от которого в восторге был сам Бунин, который считал, что это замечательная поэма. Он был народный поэт, кандидат в ЦК, входящий к тому же Хрущеву: он смеялся, что он в любой момент может прийти и выпить чаю с Хрущевым

И эта вельможность, она была в нем, хотя он всячески ее в себе душил и был и внимателен и отзывчив к простым людям, к простым работникам редакции, и был очень деликатен. Он мог чем-то и возмущаться, что-то ему могло не нравиться в работе тех или иных членов редакции, но у него никогда не поднималась рука сделать выговор, тем более уволить. Хотя были персонажи в редакции, которых надо было бы уволить, и которых он очень хотел бы уволить, но интеллигентность — она не позволяла ему. А он был, конечно, настоящий народный, в первом поколении, интеллигент, который блестяще кончил ИФЛИ, был очень образован. Он много читал. Много читал, много думал. Мысль его всегда была отчетлива, остра, очень интересна. Я говорю, эти заседания редколлегии всегда были праздником, когда шло обсуждение. Так обсуждали Бондарева, обсуждали Федора Абрамова. Писатели, которые начинали в «Новом мире», — это были его дети, он относился к ним действительно как к детям. Так он относился к Некрасову, которого открыл, так он относился к Солженицыну. И когда «дети» начинали «брыкаться» и проявлять самостоятельность, он очень переживал. Но тем не менее... История его взаимоотношений с Солженицыным показывает, что он очень многое умел понять и принять. И даже в другой какой-то правде. И то, что он пишет о Солженицыне в «Бодался теленок с дубом» — это не вполне даже отражает его истинное отношение к нему. Он любил Солженицына. Да, были моменты, когда он начинал сердиться оттого, что Солженицын, скажем, взял рукопись из сейфа журнала и передал какому-то своему знакомому, Теушу, кажется, где эту рукопись тотчас же изъяли. Но все эти вещи в конце концов не влияли на главные отношения. А главные отношения были продиктованы всегда идейными убеждениями.

Когда говорят о «Новом мире», когда говорят об атмосфере в журнале, о «шестидесятничестве», обычно употребляется такая формула: это были люди, и «Новый мир» в том числе, которые стояли на позициях социализма с человеческим лицом. Я думаю, что «шестидесятниками» были не только сторонники социализма с человеческим лицом. «Шестидесятничество» — это очень широкое движение, широкое явление, которое началось и было стимулировано атмосферой «оттепели», когда впервые было позволено что-то начать говорить, какую-то правду нести.

И когда в «Новом мире» и в других журналах ведущее место стали занимать произведения типа критического реализма, а не социалистического, — это было серьезное всеобщее настроение, всеобщая атмосфера. Но не только это. Я думаю, «шестидесятниками» были все, кто жил в это время и пытался ответить на те проблемные вопросы, которые история поставила в этот момент перед страной: о ее дальнейшем пути, о культе личности, о характере власти, о характере социализма. Люди разные давали ответы, не только либералы и демократы, скажем, «новомирского» лагеря, но и те, кого называли тогда «деревенщиками», — они тоже были «шестидесятниками». Даже не только такие, как Дорош и Овечкин, а такие, как Василий Белов. Твардовский был, конечно, главой того течения советской русской культуры, которую можно назвать культурой демократической, ориентированной на социализм с человеческим лицом, и это было главное.

Круг авторов «Нового мира»

Е.Г.: А как выбирались или приглашались авторы для публикации? Свобода давалась вам, редакторам?

И.В.: Свобода давалась редакторам. Потом был свой круг уже.

Е.Г.: Были постоянные в то время...

И.В.: Достаточно постоянный круг авторов. С 1962 года – Солженицын. Можаев, Федор Абрамов, Василий Белов в первое время, Фазиль Искандер — это все, в общем, ведущие авторы «Нового мира». Трифонов.

Е.Г.: А из поэтов?

И.В.: А?

Е.Г.: А из поэтов?

И.В.: С поэзией сложнее. Твардовский был сам поэт, и поэзия другого склада, особенно такого, немножко современного его не привлекала.

Я помню такой случай, когда Вознесенский принес какие-то свои стихи, «Треугольную грушу» или еще что-нибудь, и Твардовский так посмотрел на него и сказал: «Ну, Андрюша, хоть бы у вас из родных кого-нибудь трамваем зарезало!» (Смеется.) Он ценил, тем не менее, популярность. Если поэт действительно был популярен и у него была аудитория — для него это много значило, поэтому, как ни критически относился к тому же Евтушенко, он его печатал.

Популярность Евтушенко была достаточно большая среди молодых читателей — это был для него очень серьезный аргумент, и он печатал охотно Евтушенко.

Е.Г.: Начинающим и неизвестным трудно было...

И.В.: Нет.

Е.Г.: ...напечататься в «Новом мире»?

И.В.: И начинающим и неизвестным. Я помню, был такой эпизод, когда пришла рукопись «самотеком» от автора, который никогда не печатался. К сожалению, не помню сейчас фамилию. Повесть называлась «Двенадцать палочек на зеленой траве». Мне эта повесть понравилась молодежной какой-то свежестью. Володе Лакшину понравилась тоже. И мы вытащили её на редколлегию. Твардовский морщился. Морщился, что-то ему там не нравилось. Там, конечно, довольно дешевые ходы чисто в изобразительном плане были. Он был неопытный, молодой еще автор. Но мы настаивали, мы очень настаивали, и в конце концов Твардовский согласился, сказал: «Ладно. Но согласитесь все-таки со мной, что вот это, вот это, вот это там не очень хорошо». Мы согласились, естественно. Был готов пойти на такой компромисс. Так что молодые, начинающие авторы... Я помню, как мы печатали рассказ Феликса Камова «Я маленький». Твардовский тоже не очень сначала был в восторге. Но когда он узнал, что Камов действительно маленький и что это, в общем, автобиографично, он проявил полное доброжелательство, и рассказ был напечатан. Искандер тоже был новичок у нас.

Е.Г.: То есть он начинал у вас, да?

И.В.: «Козлотура» мы напечатали как раз в бытность мою заведующим отделом прозы, я напечатал Искандера. Так что он был

тоже, так сказать, молодой автор. Твардовский был в этом смысле абсолютно отзывчив, и никаких рангов для него не существовало. Для него существовало только одно: достоинство вещи. Если вещь была действительно достойна, она не могла не быть напечатана в «Новом мире», хотя бы автор был абсолютно неизвестен. Может быть, мы немножко прервемся?

Е.Г.: Передохнете?

О детстве в привилегированной семье

И.В.: Чай будете пить?... Я хотел бы сделать небольшое дополнение. Я рассказывал о детстве, о подростковом, юношеском периоде своей жизни, пока не переехал в Москву и не кончил здесь школу. Я не раз задавался вопросом, когда перебирал в голове историю своей жизни, в какой мере сыграло в смысле влияния на меня и в смысле выработки характера то обстоятельство, что я вырос в семье достаточно привилегированной. Что отец был крупный работник партийный, жили мы всегда хорошо. Я вспоминаю, когда в Саратове еще мы были, отец там был секретарем обкома по пропаганде.

” В доме был заведен такой порядок: в два часа или в час дня шофер отца ездил в столовую обкомовскую и привозил так называемый «детский обед». Взрослые обедали позже, а я и мой брат — на кухне, Таня наша готовила, и мы ели этот «детский обед». Я вспоминаю, как мой приятель школьный, одноклассник, пришел ко мне как раз во время этого обеда и пообедал со мной. Потом, в школе, при мне, восторженно говорил приятелям: «Ребята, знаете, а у них компот каждый день!»

Я не придавал этому, естественно, значения, но я понимаю, что со стороны, наверное, все мое житие в этой привилегированной атмосфере производило впечатление, я не знаю, жизни какого-то барчука, что ли. Так вот, я должен сказать, что... Я об этом, кстати, говорил... Как ни странно, меня судьба пощадила и пронесла мимо той колеи, которая называется колеей «золотой молодежи». Вот этого не было совершенно. Хотя, оглядываясь назад, действительно: компот я пил на каждый обед...

Е.Г.: Каждый день.

Отношения родителей

И.В.: Да. Когда мне было десять или двенадцать лет, отец подарил мне мелкокалиберную винтовку. Это тоже была большая редкость. Я выходил с этой винтовкой на охоту, в леса, белок стрелял. Для нас никогда не был проблемой квартирный вопрос, если говорить по Воланду. И в этом смысле никого из нас, из детей, он не испортил. Так что этим я обязан, думаю, отцу и матери. Я не могу сказать, что у нас были очень близкие отношения. Отец все время работал. Он был настолько загружен работой, что времени, которое он мог уделить детям, — его было явно недостаточно. Поэтому жизненной близости, непрерывной, постоянной не было. Хотя я любил, уважал отца, но я не могу сказать, что он был близким мне человеком. Тем более не могу это сказать о матери, хотя она как раз проявляла гораздо больше внимания. Но после того как в четырнадцать или тринадцать лет она прочитала мои дневники и умудрилась мне об этом рассказать и даже попрекнуть меня какими-то моими записями о девочках, с которыми я не встречался — это как отрезало. Я её любил, я её жалел, особенно когда началась семейная драма, я вам говорил, — я был абсолютно убежден, что я останусь, конечно, с ней и буду работать. Но близости и доверия не было. Так что я рос один. Позднее, когда отец уже ушел из ЦК, он был ответственным секретарем журнала «Проблемы мира и социализма», а потом проректором Высшей партийной школы для иностранцев. На этом его карьера закончилась. И когда вышел в отставку, на пенсию, он сильно «полевел»: он стал ходить по магазинам сам, видел, как это всё происходит...

Е.Г.: Увидел реальную жизнь.

И.В.: Да, реальную жизнь. И постоянной темой его политических рассуждений было всяческое поношение Хрущева, который довел страну до этого. А мне уже было в это время не интересно об этом говорить, потому что это был пройденный для меня этап. И понятно, что такое Хрущев, понятно, что такое все остальное, поэтому на этом уровне у нас тоже контакта не получалось. Но он все-таки оставался, при всё том, что он «полевел», но это была «левизна» человека, который вырос под знаменем Ленина—Сталина и который считал Сталина великим человеком. Так что в этой «левизне» было много лукавства, я бы сказал. Потому что в целом он оставался все-таки...

” Я помню, как после защиты диссертации домашний банкет мы устроили, и отец выступил и поднял бокал и выступил с тостом, смысл которого был такой, что неважно, как, защитил — не защитил, если бы не советская власть, если бы не 1917 год, не Революция разве мог бы мой сын кончить аспирантуру, защищать диссертацию?

Это был один из лейтмотивов постоянных. Он искренне, со слезами на глазах об этом говорил, считал, что советской власти он всем обязан. И что-то подобное было с Твардовским. Я знаю, что в какой-то момент у них был разговор с Солженицыным, такой как раз.

”

Твардовский тоже сказал, что мне все дала советская власть, кем бы я был, если бы не Революция, не советская власть. На что Солженицын не нашел ничего лучшего, как остроумно ему заметить: «Ну что, Александр Трифонович, были бы вы тоже поэтом большим типа Никитина или кого-нибудь ещё... Кольцова». Это было, конечно, не очень умно с его стороны, потому что амбиции Твардовского были побольше, чем быть Никитиным — по крайней мере Некрасовым. Себя-то Солженицын считал преемником Толстого, а ты, значит, какой-то там...

Но это пустяки, это мелочи. А вообще, при всем том, что, конечно, привилегированность жизни была, я благодарю судьбу, что она не так уж сильно меня испортила.

Об отце

Я помню, как я — по-моему, тоже об этом рассказывал — на семидесятилетие отца я выступил тоже с каким-то тостом и сказал, что я горжусь тем, что мой отец за всю жизнь, работая в ЦК партии, не приобрел ни машины, ни дачи. Потому что та халупка однокомнатная на четырех сотках, на какой-то дальней станции перед Можайском — это не имущество, это смешно говорить, когда сравниваешь с тем, что сейчас чиновники имеют и что понастроено на Рублевке. Весь этот привилегированный быт работников ЦК того достаточно высокого уровня, каков был отец, — это примерно ранг замминистра, министра даже — это смешно просто. Дома отдыха, воскресные и субботние, в которых обычно отдыхали чиновники и Совета министров, и ЦК, куда мы ездили семьей — это немножко выше по уровню было, но это то же самое, что обычный дом отдыха для профсоюзов. Я бывал в таких домах — это все не очень отличалось, так что... стимулирования какого-то особенного, жизни «золотой» не было тогда.

”

И отец в этом отношении был очень скромен. Я, по-моему, говорил уже, что когда он уходил уже на пенсию из Высшей партийной школы для иностранцев, он отнес туда все, что было ему подарено. Он считал, что это подарили не ему, и я очень жалел, что не оставил пишущую машинку портативную, «Колибри». Дарили ему, но он считал, что подарили Школе, поэтому ничего, никаких...

Е.Г.: Не воспользовался.

И.В.: А?

Е.Г.: Не воспользовался положением.

И.В.: Нет, не воспользовался. Я вспоминаю, как, когда переехали в Москву — это был 1947 год, то есть только что кончилась война. Я помню, как весной подавалась специальная электричка, и работники ЦК — все работники ЦК, весь состав — садились на эту электричку и ехали... какое-то место было выделено — и сажали картошку, а потом осенью её собирали. Так что и это тоже было. И никакого особого роскошества не было. Но, с другой стороны, я вот думаю, что мне надо благодарить судьбу за то, что я вырос в этой среде, пусть в скромной атмосфере привилегированного быта, все-таки привилегированного. Почему об этом говорю, почему я считаю это удачей моей судьбы? Знаете, у Галковского в «Вечном тупике»... Вы знаете эту вещь, нет? Довольно интересная, яркая вещь. Там есть рассуждение о декабристах. Это примерно в такой интонации — я немножко огрубляю, но смысл такой: и куда они лезли, что им надо, у них же все было! Это непонимание того, что именно потому, что всё было, именно потому, что этого не надо было и не за этим они лезли, а чем-то другим, именно поэтому они были декабристами, именно поэтому вышли на площадь. Я думаю, то, что судьба меня избавила от жажды получения каких-то материальных привилегий, стремления к этому в жизни... Я все это знал более-менее, мне это было неинтересно. Я не уверен в том, что если бы я жил в нужде, что это бы не проявилось потом в моем характере, в характере моих интенций, моих устремлений. Так что я здесь не считаю, что я какой-то особый герой, а все дело в том, что так складывалась судьба. Конечно, всё это — с какой стороны посмотреть: с одной стороны посмотришь, ничего особенного не было, а с другой — безобразие сплошное.

”

Мы жили во «втором доме ЦК» так называемом, дом 26 по Можайскому шоссе, по Кутузовскому проспекту сейчас. Это дом, где Брежнев тоже жил. Дом стоял на костях.

Е.Г.: Там, где кладбище было.

И.В.: Там было русское и еврейское кладбище. И когда я мальчишкой приехал сюда, мы там находили еще могилы, памятники. Там была могила Левитана. Это, конечно, только безумцам может прийти в голову: строить дома на кладбище, на костях. Но было это все, было, я отдаю себе в этом отчет. Что было, то было.

Приглашение на работу в ЦК

Я забыл рассказать об интересном эпизоде, когда ушли мы с Сашей Лебедевым из «Молодой гвардии». В это время я уже был знаком — не помню, каким образом, — но с работником ЦК Игорем Черноуцаном. Он потом женился на Маргарите Алигер, довольно приличный человек. И вот в какой-то момент Черноуцан позвонил мне и сказал, что со мной хочет поговорить Поликарпов. Поликарпов — это был работник ЦК, он заведовал тогда Управлением пропаганды и агитации, крупный чиновник.

Он был одно время одним из секретарей Союза писателей, и с ним связана эта история: он жаловался Сталину на писателей, и Сталин сказал ему: «Других писателей у меня для тебя нет».

Так вот этот «дядя Дима» — мы так его звали, пригласил меня к себе. Они сидели с Черноуцаном — после «Молодой гвардии» это уже было — в течение двух часов примерно всячески меня прощупывали с намерением предложить мне пойти работать в ЦК... (*смеется*) сначала инструктором, разумеется, а потом — карьера! Привлекательность династии такой, она существовала, этот соблазн. Я в это время был уже такой «новомировец», что меня никакими соблазнами такого рода купить было невозможно. Мы расстались с «дядей Димой» Поликарповым, сильно разочарованным, но больше ко мне не приставали, слава Богу, больше ко мне не приставали.

Что еще стоит вспомнить? Я говорил, что Твардовский относился к авторам, которых он печатал, которых он «открыл», как к детям буквально. В том смысле, что он переживал жутко совершенно всякое отклонение этих «детей» от него как от «отца» и (*смеется*) создателя. И ужасно радовался, когда ему давалось чего-то добиться от них. Я помню, одним из первых поручений мне как заведующему отделом прозы было поехать в Киев к Некрасову и уговорить его внести некоторые изменения в рассказ «Мамаев курган». Я поехал. Там мы познакомились с Виктором, сдружился с тех пор. И мне удалось его уговорить сделать поправки какие-то. Как был доволен Твардовский! Кому-то он говорил... При мне было, я не помню, кто-то был в кабинете: «Вот, Виноградов поехал и привез... „горяченького“, мирного Некрасова! Всё, согласился!» Но вообще, надо сказать, что мои отношения с Твардовским были очень непростыми. Но об этом я расскажу лучше в следующий раз, когда мы будем говорить уже о разгроме «Нового мира».